

431

396/—

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УССР
КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени А. М. ГОРЬКОГО

На правах рукописи

Г. М. УДОВИЧЕНКО

СЛОВСОЧЕТАНИЯ В УКРАИНСКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

(№ 661 — языки народов СССР)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

КИЕВ — 1968

НБ НПУ
імені М.П. Драгоманова

100313985

Работа выполнена в Киевском государственном педагогическом институте имени А. М. Горького.

Научный консультант доктор филологических наук профессор ЖОВТОВБРЮХ Михаил Андреевич.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук профессор САМОИЛЕНКО Стефан Филиппович, доктор филологических наук профессор СТЕЦЕНКО Алексей Никитич, доктор филологических наук профессор МИГИРИН Виктор Николаевич.

Внешняя рецензия Харьковского государственного университета имени А. М. Горького.

Автореферат разослан « . . . » 196 г.

Защита диссертации состоится « . . . » 196 г. на заседании совета Киевского государственного педагогического института имени А. М. Горького

(г. Киев, бульвар Шевченко, 22/24)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института.

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА

І. ВВЕДЕНИЕ

Словосочетания, наряду со словами и высказываниями, представляют собой такие единицы языка, которые выступают на разных уровнях в роли денотаторов определенных классов денотатов. Они функционируют в языке как результат детерминации, то есть как результат распространения словоформ. Отношения детерминации между структурными компонентами словосочетаний бывают разные. В зависимости от характера этих отношений все словосочетания можно разделить на две группы: синтаксически свободные и фразеологически связанные. Часть синтаксически свободных словосочетаний в течение значительного отрезка времени в силу разных функционально-контекстуальных условий лексикализовалась и, естественно, перешла в разряд фразеологически связанных сочетаний. Она стала объектом изучения не синтаксиса словосочетаний, а фразеологии.

Теория свободных словосочетаний является частью лингвистического учения о синтаксисе языка. Словосочетания функционально близки к отдельной словоформе, но отличаются от нее грамматическими способами выражения: если в словоформе находят свое конкретное воплощение фонетико-морфологические закономерности словизменения и словообразования, то в словосочетаниях — синтаксические закономерности словосложения. Словосочетания как десигнаты имеют свою систему десигнаторов в виде семантической структуры, определяющей характером отношений детерминанта к детерминируемому элементу. Семантическая структура и синтаксические модели выражения ее (денотаты) — это взаимосвязанные стороны одного языкового явления. Семантическая структура синтаксически свободных словосочетаний относится к десигнату в такой же мере, в какой денотатор относится к денотату.

Словосочетания начинают функционировать в языке и речи тогда, когда возникает у человека необходимость выразить свои более достоверные познания денотатов, когда есть необходимость отразить десигнаторами не только предметы или действия, но и их свойства, признаки. В структуре словосоче-

таний словоформы с общим (некомплектным) значением находят своих первых актуализаторов, свою первую лексическую конкретизацию. «Члены предложения, — замечает З. Клеменевич, — объединяются в новую синтаксическую единицу высшего порядка, имеющую значение другое и богаче, чем значения каждого члена в частности»¹. Всякая словоформа, отдельно взятая, называет действие, предмет, явление обобщенно, абстрактно.

Если, например, слово *точити* выражает действие в его предметном осмыслении, объединяя в себе первичные, вторичные, вообще стилистически производные значения безотносительно к объекту, выделяющему данное действие от ряда других, скажем, *точити*, но не *співати*, *читати*, *слухати*, *виконувати* и т. д., — то при сочетании его с каким-нибудь другим словом, в частности объектом или сопровождающими признаками, значение его осмысливается конкретнее: *точити косу, ніж, сокиру, зубило, шаблю*; *точити поршень, деталі, сталь, камінь* (обрабатывать); *точити зерно, насіння, дерево* (портить); *точити зерно* (хлеб) на решето (очищать); *точити воду, вино* (пить, выливать); *точити піт, слюзи, кров*.

Валентность этого слова позволила расширить число его актуализаторов. Слово обогатилось новыми значениями, нередко очень далекими от его основного, номинативного, значения. Например: *точити світло*; *точити кігті, зуби, душу, серце*; *точити баляси, яси, теревені, брехні, язика*.

Конкретизация лексического значения словоформы идет по линии сочетания не только с близкими к ее семантическому разряду словоформами (*коса, сокира, зубило*) или почти близкими (*поршень, сталь, снаряд; зерно, хліб*), но и с отдаленными или просто не мотивированными для сознания носителя современного украинского языка (*зуби, кігті, вино, кров, баляси, яси* и т. п.), при сближении с которыми она (словоформа) потеряла (частично или полностью) свое первичное осмысление и приобрела, можно сказать, стилистически функциональное.

Явления детерминации на уровне минимальных синтаксических единиц — словосочетаний — представляют собой объект исследования диссертанта. Исследование проводилось на большом фактическом материале, почерпнутом в основном из художественных произведений украинских писателей (дооктябрьского и советского периодов), в отдельных случаях из

¹ Zenon Klemensiewicz, *Skupienia czyli syntaktyczne grupy wyrazowe*, Kraków, 1948, стр. 11—12.

памятников украинской письменности, периодических изданий, прессы. Часть этого материала собрана в лексической карте-теке Института языкознания АН УССР.

В данной диссертационной работе делается попытка определить словосочетания как отдельный, специальный предмет синтаксиса, грамматическую и семантическую структуру словосочетаний, их объем, границы и функции, исследовать на материале украинского языка некоторые закономерности их образования, охарактеризовать наиболее распространенные их структурно-семантические типы.

Общий объем работы — более 29 авторских листов. Работа состоит из следующих разделов:

- I. Введение (1—14).
- II. Словосочетания как предмет синтаксиса (14—85).
- III. Соотношение словосочетаний со смежными синтаксическими категориями (86—166):
 - а) Словосочетания и слово (86—100).
 - б) Словосочетания и предложения (100—121).
 - в) Словосочетания и второстепенные члены предложения (121—153).
 - г) Словосочетания и синтагмы (154—166).
- IV. Лексико-синтаксические группы словосочетаний (167—326).
 1. Синтаксически свободные словосочетания (167—183).
 2. Фразеологически связанные словосочетания (183—326).
- V. Грамматическая структура словосочетаний (326—501).
 1. Общие замечания (327—353).
 2. Субстантивные бинарные словосочетания (353—368).
 3. Адъективные бинарные словосочетания (368—384).
 4. Модели словосочетаний, опорные члены которых выражены местоимениями или числительными (384—388).
 5. Простые словосочетания с грамматически главным компонентом, выраженным глаголом (388—397).
 6. Наречные (адвербиальные) словосочетания (397—405).
 7. Модели сложных словосочетаний (405—407).
- A. Трехэлементные словосочетания (407—417).
 1. 1. Субстантивные словосочетания модели
A + A + S (417—422).
 1. 2. Субстантивно-субстантивные словосочетания модели
A + S + S (422—426).
 1. 3. Субстантивные словосочетания модели
S + A + S (426—428).
 1. 4. Субстантивные словосочетания с предложными конструкциями имен существительных (428—435).

II. Внутриграмматическая организация трехэлементных адъективных словосочетаний (435—441).

III. Трехэлементные словосочетания с глаголом в роли грамматически господствующего слова (441—482).

Б. Четырех-, пяти- и т. д. элементные словосочетания (482—501).

VI. Структурно-семантические типы словосочетаний (502—697).

1. Глагольные словосочетания с зависимыми словами — именными частями речи, глаголами и наречиями (502—505).

А. Глагольные словосочетания с именами существительными в роли детерминирующего компонента (505—575).

а) Глагольные словосочетания с зависимыми беспредложными конструкциями имен существительных (505—531).

б) Глагольные словосочетания с зависимыми предложными конструкциями имен существительных (531—575).

Б. Глагольные словосочетания с детерминирующими субстантивированными прилагательными, причастиями и числительными (575—576).

В. Глагольные словосочетания с распространяющим элементом, выраженным инфинитивом (576—581).

Г. Глагольные словосочетания с детерминантом, выраженным наречием (581—590).

2. Именные словосочетания (590—688).

А. Словосочетания с детерминированным именем существительным. (Субстантивные словосочетания) (590—651).

а) Субстантивные словосочетания с зависимым словом, выраженным именем существительным (592—607).

б) Предложные конструкции как детерминанты в субстантивных словосочетаниях (607—639).

в) Субстантивные словосочетания с детерминантами, выраженными именами прилагательными, местоимениями типа прилагательных, порядковыми числительными, причастиями, глаголами и наречиями (639—651).

Б. Словосочетания с детерминированными именами прилагательными и причастиями. (Адъективные словосочетания) (651—684).

а) Адъективные словосочетания с детерминантом, выраженным именем существительным (655—670).

б) Адъективные словосочетания с детерминантом, выраженным именем прилагательным и причастием (670—671).

в) Адъективные словосочетания с местоимениями и числительными как детерминирующими элементами (671—673).

г) Адъективные словосочетания с инфинитивом в роли детерминанта (674—675).

д) Адъективные словосочетания с наречиями как распространяющими элементами (675—684).

В. Словосочетания с детерминированными местоимениями и числительными (684—688).

З. Адвербиальные словосочетания (689—697).

VII. Краткие выводы (698—702).

VIII. Библиография (703—728).

IX. Список использованных источников (729—743).

* * *

*

Проблема словосочетаний сравнительно давно привлекла к себе внимание отечественных и зарубежных языковедов. В опубликованных работах исследуется дистрибуция детерминированных компонентов синтаксически свободных словосочетаний в русском, польском, чешском, белорусском, украинском, немецком, английском, французском, финском, арабском и др. языках.

В разрешении проблемы словосочетаний заметно определилось три основных направления. Одно из этих направлений рассматривает синтаксис как науку только о предложении, другое — как науку только о словосочетаниях. Третье направление, представленное преимущественно современными языковедами, единодушно определяет, опираясь на идеи М. Ломоносова и А. Востокова, синтаксис как науку о предложении и о словосочетаниях.

Основы первого направления в отечественном языкознании заложил Ф. И. Буслаев в своей «Исторической грамматике русского языка». Синтаксические взгляды Ф. И. Буслаева воспринял и развил дальше акад. А. А. Шахматов.

Второе направление, диаметрально противоположное первому, в отечественном языкознании берет свое начало из работ акад. Ф. Ф. Fortunatova, посвященных синтаксису русского языка. Ф. Ф. Fortunatov обосновал положение о том, что синтаксис включает в себя как словосочетания, представляющие собой смысловые единицы, образованные из двух или большего количества слов, так и предложения; что словосочетаниям принадлежит ведущая роль в науке о синтаксисе; что разнообразием словосочетаний есть предложение.

Fortunatovская теория словосочетаний нашла свое продолжение в трудах проф. А. М. Пешковского, проф. М. Н. Пе-

терсона, проф. Поржезинского, проф. А. А. Холодовича и некоторых других исследователей синтаксиса.

Третье направление представлено работами акад. В. В. Виноградова, акад. И. И. Мещанинова, проф. Сухотина, проф. Н. Н. Прокоповича, проф. Е. В. Кротеви́ча, проф. А. Я. Озола и других лингвистов.

Высказывались и другие взгляды на синтаксис, предмет его изучения и природу словосочетаний. Например, проф. Т. П. Ломтев рассматривает словосочетания как морфологическую категорию высшего порядка, проф. А. Б. Шапиро считает, что предметом синтаксиса должно быть только словосочетание. Учение о предложении следует выделить в отдельную лингвистическую науку. Задача этой науки, по мнению А. Б. Шапиро, состоит в том, чтобы описать структуры предложений разных типов с указанием на стилистическое их использование.

Диссертант разделяет взгляды лингвистов, определивших своими работами по теории словосочетаний третье направление в научной литературе по синтаксису языка, и будет придерживаться в интерпретации собранного материала основных теоретических положений этого направления.

II. СЛОВСОЧЕТАНИЯ КАК ПРЕДМЕТ СИНТАКСИСА

Отношения между денотаторами (отражениями) и десигнатами (знаками отражения), с одной стороны, и между денотатами (объектами восприятия) и десигнаторами (сущностью денотатов), с другой, — сложные и противоречивые. Денотаты могут быть лингвистически осознанными и не осознанными. Лингвистически осознанные денотаты обозначаются денотаторами в виде отдельной словоформы, словосочетания или высказывания. Органической связи между денотатами и денотаторами в большинстве случаев нет. Связь между ними (с точки зрения сознания носителей современного языка), как правило, произвольная. Это, однако, не означает, что денотаторы находятся в хаотическом отношении к соответствующим им денотатам. Лингвистическое осознание денотатов каждым следующим поколением опирается на языковую традицию предшествующих поколений и ограничивается ею. Именно этим, преемственностью лингвистического осознания денотатов, и ограничивается произвольность денотаторов. Отношения между денотатами и денотаторами складываются в процессе физического ощущения, визуального восприятия фактов действительности. В свою очередь, визуальные отношения порождают новое, более абстрактное, качество отноше-

ний. Они возникают между денотаторами, выступающими тут уже в новой роли — десигнатов, и десигнаторами. Денотаторы как детерминирующие элементы лингвистически осознанных денотатов, представляя в своей совокупности определенную систему, попадают в условия детерминированных объектов. Такие объекты принято в лингвистической литературе называть десигнатами. То, что выражает десигнат, является десигнатором. Десигнатор по отношению к десигнату выполняет функцию детерминанта. Отношения между десигнатом и десигнатором складываются на высшем уровне интеллектуального развития. Таким образом, отношения между денотатами и десигнаторами — двусторонние: десигнатор представляет денотат не прямо, а опосредствованно — через денотатор и десигнат. Это означает, что денотатор в одно и то же время есть детерминантом и объектом детерминации: семантической, лингвистической, философской и т. п., — трансформируясь в десигнат. Десигнат как языковой знак есть тем феноменом языка, который функционирует только в системе таких же, как и он, феноменов и представляет собой объект прежде всего лингвистической интерпретации. С точки зрения познания десигнаты дифференцируются на такие, которые выражают суждения, и такие, которые выражают понятия. Осознание предикативно-модальных отношений между предметами действительности находит свое лингвистическое воплощение в лексико-грамматическом объединении слов в интонационно-законченные синтаксические структуры-предложения. Понятия отражаются словоформами и словосочетаниями типа *мистецький твір, зв'язок між ученими світу*.

Словосочетания — это синтаксико-семантические конструкции, составленные в соответствии с нормами национального языка из двух или большего количества самостоятельных слов, выражают единое, хотя и в лексически членной форме, название предмета, понятия или представления.

Десигнатором словосочетаний есть семантическая структура, мотивированная лексическими значениями их составных частей. Семантическая структура словосочетаний состоит не из арифметической суммы лексических компонентов, а из отношения распространяющего элемента к элементу распространяемому. Она созревает и формируется не в отрыве, а на основе десигнаторов с отношениями детерминации. Но компонентные десигнаторы словосочетаний, хотя и мотивируют семантическую структуру минимальной синтаксической единицы, все же не входят в их состав во всем объеме. Ее определяют самые существенные признаки лексических десигнаторов.

При соединении двух или большего количества слов, не имеющих признаков высказывания, человеческое сознание отбирает самое существенное в их значениях и создает новое, синтезированное понятие. Это происходит в результате обобщающей работы человеческого мышления. Например, словосочетание: *ставити на стіл графин з водою* — состоит из четырех словоформ. Условно их можно обозначить (соответственно): А, Б, В, Г. А, Б, В, Г, объединяясь в словосочетание, сохраняют автономность своих лексических значений, которые, однако, не представляются в этом единстве аналитически. Воспринимая это словосочетание, никто не станет членить его семантической структуры на части — лексические значения: А изолированно от Б, а Б изолированно от В и т. д. Частное здесь оттесняется на задний план смысловым единством всего сочетания. АБВГ не представляют собой арифметической суммы $A + B + B + G$, а синтезируются в новую семантико-синтаксическую единицу абвг. Семантическая структура этого словосочетания состоит не столько из отношений между элементами *б* и *а*, *г* и *в*, как из отношений *вг* к *аб*. При образовании словосочетаний обобщение лексических значений их компонентов может быть настолько абстрагирующим, что семантическая структура первых частично или полностью может терять связь со значениями слов, составляющих единства, например: *спекти рака, сісти маком, лебедина пісня*.

Анализ собранного материала позволяет утверждать, что в составе синтаксически свободных словосочетаний заметно выделяются две разновидности сочетаний, определение которых имеет важное, принципиальное значение для понимания функций и места словосочетаний в синтаксической и коммуникативной системе языка. Конституирующим фактором в этой разновидности есть лексико-грамматическая природа детерминированного языкового знака. Одни из знаков распространяются только в составе предложения, выполняя в нем функцию, подчиненную цели всего высказывания. Вне предложения они, сохраняя автономность как десигната, так и десигнатора, не нуждаются в распространении, например: *життя, сонце, хліб, прапороносець, дихати, говорити, людяний, молодий* и много других. Слова этого типа условно можно назвать комплектными.

Другие знаки функционируют в языке и речи только в сопровождении лексико-грамматических актуализаторов. Они имманентно предусматривают свое распространение и, соответственно с этим, отношение детерминации. Актуализаторы сопровождают знаки этого типа как в высказывании, так и

вне его. Вместе с детерминированными компонентами они определяют структуру словосочетаний. Актуализаторы, вступая в отношения с детерминированными элементами, имеют стационарные формы грамматической связи и переменные десигнаторы, например: *адреса інституту (вчительки, друзів, однокурника* и т. п.). Распространяемые словоформы этого типа удобнее всего назвать некомплектными. Словосочетания с детерминированными некомплектными элементами, выполняя функцию наименования, бытуют и в предложении и вне предложения. Например, в предложении: *Хомина пара сірих у яблуках з заплетеними гривами, з м'язистими грудьми брала всіх на буксир у згубних місцях* (О. Гончар) — словосочетания *пара сірих, м'язисті груди, брати всіх на буксир* и *згубні місця* сохраняют и семантическое единство и номинативную функцию.

Отношения детерминации предполагают один тип синтаксической связи — подчинения. Если считать правильным, что отношения детерминации безраздельно господствуют в словосочетаниях, что словосочетания функционируют только как семантико-синтаксические единицы, — то вполне логичным будет признание подчинительной связи как единственного способа синтаксической организации словосочетаний. Каждый тип словосочетаний состоит из двух компонентов — распространяемого и распространяющего. Распространяемый компонент декретирован форму внутриграмматической связи, которая манифестируется флексиями распространяющего компонента. Такой структуры словосочетаний не могут обеспечить отношения индетерминации.

Подчинительный тип синтаксической связи проявляется в словосочетаниях не во всем объеме присутствия. Эта ограниченность касается и синтаксических отношений и способов выражения форм синтаксической связи.

Под синтаксическими отношениями надо понимать совокупность лексических и грамматических значений, носителями которых являются элементы словосочетаний. Характер синтаксических отношений определяется той функцией, которую выполняет детерминирующий компонент словосочетания. Функции, а следовательно и отношения, бывают разные: атрибутивные, аппозитивные, объектные, релятивные, адвербиальные. Кроме этого, бытует в украинском языке значительное количество сочетаний, в структуре которых распространяющий компонент выполняет, рядом с основной, одну или даже две дополнительные синтаксические функции, например: *посідати під деревом*.

Вопрос о грамматической форме словосочетаний впервые в отечественном языкознании был поставлен акад. Ф. Ф. Фортунатовым и развит дальше проф. А. М. Пешковским, акад. В. В. Виноградовым, проф. А. И. Смирницким, проф. А. Б. Шапиро, проф. В. П. Сухотиным, проф. Н. Н. Прокоповичем.

Словосочетания имеют две формы: внутреннюю и внешнюю. Все лексически самостоятельные слова, входящие в состав словосочетаний, манифестируют свою (переменную, неизменную или функционально неизменную) форму. Сумма форм грамматических значений, проявляющихся при образовании словосочетаний, определяют внутреннюю форму этих синтаксически минимальных единиц. Например, в словосочетании: *артист веселої вдачі* — внутренняя форма выражена женским родом, единственным числом, родительным падежом. Своеобразным стимулятором проявления подчеркнутых значений является грамматически господствующее слово *артист*. Распространяясь, оно конкретизирует свое лексическое значение синтаксически зависимым от него бинарным словосочетанием *веселої вдачі*, выступающим в роли детерминанта. Детерминант этого, как и любого, словосочетания является носителем тех форм грамматических значений, которые обеспечивают внутреннюю организацию словосочетаний, по существу тех форм, которые представляют собой внутреннюю грамматическую манифестацию словосочетаний. Внутренняя форма остается индифферентной к выражению внешней формы. Носителем внешней формы словосочетаний является грамматически господствующее слово, например: *артист веселої вдачі, артиста (артисту, артистом и т. д.) веселої вдачі*.

Словосочетания не используют всех способов и форм синтаксической связи, которыми располагает украинский, как и другой, язык. Например, из ряда существующих способов связи наиболее продуктивным в словосочетаниях оказывается только один — флективный. Служебные слова используются частично, в частности — только предлоги. Союзы, отражающие индетерминантные отношения, не входят в число способов синтаксической связи словосочетаний. Очень редко используются в словосочетаниях такие способы, как порядок слов и интонация. Интонация словосочетаний характеризуется ровным, безэмоциональным тоном. Первая попытка интонационно выделить какой-либо компонент словосочетания сразу же сказывается на номинативной интонации, которая трансформируется в коммуникативную, а словосочетание — в функциональное предложение.

Флективное многообразие, функционально-структурная

разновидность предложных конструкций представляют собой синтаксическую основу соединения слов в словосочетания. Эти два способа (словоизменение и служебные слова, в частности — предлоги), проявляются в трех формах подчинительной связи — согласования, управления и примыкания. Однако согласования ограничиваются в словосочетании специфическими семантико-грамматическими конструктивными типами. Эта форма синтаксической связи представлена в словосочетаниях отношением препозитивного признака к его носителю или, по мнению Ш. Балли, связью пассивного присутствия в чем-то¹. Полная форма согласования наблюдается в словосочетаниях с атрибутивными отношениями, неполная — в некоторых словосочетаниях с аппозитивными отношениями, например (соответственно): *свіжі враження, найдена руда, свої міркування; місто Київ, місто Суми, річка Уж*.

Во всем объеме проявляет себя в структуре словосочетаний такая форма синтаксической связи, как управление. По характеру соотношения детерминирующего элемента к элементу детерминированному управление в словосочетаниях, как вообще в синтаксисе предложения, бывает непосредственным, когда способом грамматической связи распространяющего слова с распространяемым выступает флексия первого, когда способом грамматической связи распространяющего слова с распространяемым выступает не только флексия первого, но и служебное слово — предлог, например (соответственно): *хода історії, слухати оперу, обсягний червоними перестиглими чашечками жолудів; людина з життєвим досвідом, відповідати за роботу*.

А. А. Потеня, В. В. Виноградов, Л. А. Булаховский подчеркивали, что синтаксическая связь при управлении бывает более близкой и более отдаленной. С этим явлением прямо связана комплектность и некомплектность распространяемых слов. В зависимости от лексико-грамматической природы распространяемого элемента управление может быть сильным (*виконувати план*) и слабым (*людина з сивою бородою*). Сильное управление наблюдается в тех словосочетаниях, в которых распространяемый элемент выражен некомплектным словом. Если рассматривать сильное управление как форму отношений между детерминирующим компонентом и детерминированным (в результате чего детерминирующий компонент словосочетаний трансформируется из некомплектного в ком-

¹ Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955, стр. 121.

плективный), то к сильному управлению можно отнести сочетания глагола с именем существительным (или другим именным морфологическим разрядом) не только в форме винительного падежа без предлога, но и в форме родительного и творительного падежей, а также субстантивные сочетания с детерминирующими именами существительными в форме родительного падежа (*крило парусника, куц винограду*).

Слова типа *пропливати, туманіти*, например, функционируют в украинском языке без актуализаторов. Ни лексически, ни формально они не предусматривают распространения. Актуализаторы при этих и подобных словах — это не необходимость лексико-семантической структуры распространяемого слова, а прежде всего коммуникативная цель информанта. Только этим можно объяснить тот факт, что слова этой группы слабо управляют детерминантами. Слабое управление не представляет собой прямой линии, без подъемов и спадов. Амплитуда между полярными точками его бывает значительной: от такого, которое граничит с сильным управлением (*здається їй*), через относительно слабое управление (*страждати від повноги*) до идентификации с другой формой подчинительной связи — примыканием (*прибулий з столиці*).

Валентность распространяемых слов в обеих разновидностях — комплектных и некомплектных — не всегда заполняется одним детерминантом. Поэтому при детерминированном слове может быть несколько детерминантов. Некомплектные распространяемые элементы объединяют в себе обе формы управления (*по фотоапарату влізати в ній кореспондента*).

К формам подчинительной связи относится примыкание. Его Ф. Ф. Фортунатов считает неграмматической формой, а Н. Ю. Шведова — нерегулярной формой синтаксической связи. Действительно, между элементами словосочетаний типа: *ласкаво просити, уважно слухати, справді народний* — связь выявляется не морфологическими средствами рода, числа, падежа и т. п., а порядком слов, зависимой грамматической функцией, значением. Для лингвистического сознания носителей современного украинского языка не существует диахронных процессов стабилизации форм в словах: *ласкаво, уважно, справді*. Словосочетания с такими словами воспринимаются им как единицы не столько грамматические, сколько семантические. При этом обращает на себя внимание тот факт, что грани между грамматическими формами связи — согласованием и управлением, с одной стороны, и с подчинительной связью примыкания, с другой стороны, — не всегда рельефны. Они, меняя свои точки опоры, расширяют границы одной

формы синтаксической связи (согласования и примыкания) за счет сужений другой (управления). Особенно отодвинулись границы примыкания в сторону предложного управления, то есть при сохранении грамматической формы, естественной непрямым объектам, образуются адвербиальные смысловые единицы с обозначением места (*за щастя на землі, зупинитися посеред кімнати*), направления (*зайти в бліндаж, привести в хату (невістку)*), образа действия (*проходить з піснями*), времени (*повернутися під зиму*), цели (*сурмити в похід*). Внешне грамматически господствующие слова как будто управляют здесь зависимыми предложными конструкциями существительных. В действительности же вторые примыкают к первым. Например, зависимый элемент *з піснями* нельзя представить в роли объекта, а не в роли обстоятельственного признака действия в таком словосочетании: *проходить з піснями*. Распространяемая предложная конструкция в данном случае обозначает предметность вообще и обогащается функционально новыми признаками. *Проходить* не с чем, а только как (*з піснями*). Настоящей основой таких словосочетаний представляются атрибутивные или адвербиальные смысловые отношения между их компонентами. Все это подтверждает положение о том, что словосочетания, как и другие языковые знаки, — явление двустороннее: они представляют собой десигнаты постольку, поскольку выражают десигнаторы, и десигнаторы выполняют познавательную функцию только тогда, когда они манифестируются десигнатами, синтаксически организованными в соответствии с правилами украинского, как и любого другого, языка.

III. СООТНОШЕНИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЙ СО СМЕЖНЫМИ СИНТАКСИЧЕСКИМИ КАТЕГОРИЯМИ

(словом, предложением, его членами и синтагмами)

Словосочетания и слово в синтаксической системе языка выполняют почти тождественные функции. Ими называются предметы, явления, действия. Слово и словосочетание в психологическом плане являются средством образования понятий. Они обозначают предметы и отражают их значения. Но вместе с тем словосочетания имеют свои особенности. Десигнаторы их более конкретны, чем слова. Ср.: *голос и голос матері, листя и листя дуба*. Номинативная функция отдельно взятого слова, например: *комбайн, працювати*, определяется его лексичес-

кими и грамматическими значениями. Номинативная же функция словосочетаний, например: *романси радянських композиторів*, возникает в результате отношений между детерминантом и детерминированным компонентом. В слове десигнатор заполняется лексическим значением, в словосочетаниях — семантической структурой, возникающей из синтезированного объединения лексических значений. При образовании словосочетаний определяющим в разграничении их типов являются лексико-морфологические особенности распространяемых слов. Распространяемые слова нейтральны не только к изменению внутренней формы словосочетаний, но в ряде случаев и к семантической структуре. Например, имя существительное и глагол, распространяясь одним и тем же детерминантом, не вносят существенного изменения в семантическую структуру словосочетаний: *виконувати завдання* и *виконання завдання*, *поїхати до моря* и *поїздка до моря*. Разница здесь, возможно, в том, что субстантивные наименования выражают отношения между предметами или между предметами и их признаками, более или менее конкретными, тогда как глагольные — выражают понятия о возможных отношениях между манифестантами конкретных предметов и абстрагированными действиями, процессами или состояниями.

Возникновение сложных названий, грамматически выраженных словосочетаниями, обусловлено более глубоким самопознанием человека, практической необходимостью, связанной с дальнейшим проникновением его в тайны природы. С расщеплением ядра атома название *атом* перестало соответствовать уровню человеческих познаний о структуре материи. Возникло соответствующее уровню человеческих познаний название, но выраженное уже не одной словоформой, а минимальной синтаксической единицей — словосочетанием: *ядро атома*, *положительный заряд атома* и др. В мире, познанном человеком, ничего нет безымянного: все, что лингвистически осознано, имеет свое название, свое имя. Поскольку объективно существуют не только отдельные предметы, понятия, представления, но и связи, отношения между предметами, понятиями и т. д., постольку в языке вообще и в украинском в частности бытуют названия, выраженные не только словоформами, но и словосочетаниями, независимо от того, каким морфологическим разрядом выражено грамматически господствующее слово. Как *ядро атома*, так и *варити сталь* выражают в одинаковой степени отношения, проявляющиеся вне нашего сознания и воли, а значит соответственно им названия — словосочетания функционируют в языке как объективно данные.

Относительно свободные словосочетания не воспроизводятся в такой степени, как фразеологически связанные и синтаксически ограниченные словосочетания. Они больше всего создаются по живым, продуктивным моделям, сложившимся в диахронном развитии языка. Наличие в национальном языке таких моделей обусловлено частыми повторениями номинативных отношений между жизненно важными предметами, явлениями природы и общества. Синтаксические модели словосочетаний имеют исключительное значение для языкотворческой практики информантов, особенно для их речи, когда внимание сосредоточивается не только на ограниченных временем поисках наиболее соответствующих процессу мышления комбинаций словосочетаний и объединения их в предложения как главное средство формирования, выражения и сообщения мысли, но и на непосредственном восприятии слушателями результатов этих исканий. Вот почему сложные именованные характеристики отношений между фактами действительности закрепились и закрепляются в памяти людей в виде моделей словосочетаний, стоящих по своим функциям ближе к отдельным словоформам, чем к высказываниям. Словосочетания входят в коммуникативную систему языка только в составе предложения как его материал.

Представители Копенгагенской школы структуралистов считают, что лингвистический объект как структурная единица состоит из отношений определяющего к определяемому. Этот закон распространяется как на внешнюю, так и на внутреннюю лингвистику. Соответственно с этим законом структура слова также состоит из определяющих аффиксов и определяемого корня, имеющих автономные смысловые единицы. Несомненным является то, что слово имеет грамматическую и семантическую структуру. Однако компоненты этих структур вне словоформных актуализаторов не обозначают предметов, а следовательно не выражают предметных значений. Аффиксы и корень (по-разному) заряжены элементами значимости. Корень является носителем основных элементов значимости, аффиксы — переменных. Но проявляются они только в структуре слова. Слово, а не его структурные элементы, представляет собой тот минимальный лингвистический феномен, с которого начинается предметная соотнесенность. Предметную соотнесенность имеют все лексически самостоятельные языковые знаки, в том числе и некомплектные. Некомплектные знаки представляют собой стационарную базу словосочетаний. Синтаксически свободные словосочетания как десигнаты имеют свойство члениться на более мелкие лексические единицы —

непосредственно составляющие. Они являются первой ступенью в конкретизации лексических значений слов. Отличаются они от слов, даже сложных, и своей грамматической структурой. Слова представляют собой всего лишь объект проявления грамматических категорий. Словосочетания выявляют эти категории активно. Например, зная, что слова украинского языка делятся в пределах грамматической категории рода на три группы, что категория рода выявляется словами постольку, поскольку слова могут по формальным показателям принадлежать к одной из названных групп, мы определяем наличие родового признака в словах: *місячник, ракета, море*. Это же можно сказать и о таких категориях, как число, падеж имен, время, лицо, число глагола. Грамматические категории и формы их проявления — это объективные законы, которые действуют независимо от бытования одной тысячи или многих тысяч слов. По формам выражения грамматических категорий определяется место слов в морфологической системе языка. Слова вне языковых актуализаторов почти нейтральны к выявлению грамматических категорий. Словосочетания как наименьшие единицы синтаксиса обуславливают своей структурой действительность той или другой грамматической категории. Так, в словосочетании *господарі своєї долі* форма родительного падежа соответствующей категории в слове *долі* обусловлена грамматическим законом о способах синтаксической связи: имя существительное в именительном падеже управляет другим именем существительным в форме родительного падежа с обозначением принадлежности, части от целого, признака и т. п. Формы рода, числа и падежа соответствующих категорий распространяющего слова *своєї* зависят от форм категорий распространяемого слова по закону атрибутивных отношений.

Словосочетания и предложения — это синтаксические единицы разных уровней. Предложение как синтаксическая структура высшего порядка с ее существенными признаками (предикативностью, интонационной законченностью) является основной коммуникативной единицей языка. Словосочетания входят в коммуникативную систему языка только в составе предложения как его части. Соотношение словосочетаний с предложениями заключается в двустороннем процессе: словосочетания, будучи структурно-коммуникативным материалом предложения, пополняются в то же время теми распространенными членами предложения, которые могут, вычленившись из него, разворачиваться в целые цепочки словосочетаний типа *боротьба колгоспного селянства за створення достатку продук-*

тів харчування для народу і сировини для промисловості плн функціонувати в мові як складні найменування, наприклад: *качани молочно-воскової стиглості*.

Предложения, сравнительно со словосочетаниями, отражают высший уровень человеческого мышления. Они являются средством не именованія, а высказыванія. Его содержание складывается с обобщенных семантических структур словосочетаній. Вполне понятно, что отдельные элементы словосочетаній оттесняются другими, более существенными, стают в них факультативными, хотя в структуре всего предложения они необходимы для дополненія и уточненія высказыванія. Структурной основой двусоставных предложений являются подлежащее и сказуемое. Отношения между ними называются предикативными. Предикативные отношения составляют семантическую структуру не именованія, а сообщенія. Выполняя не номинативную, а коммуникативную функцию, предикативные сочетанія слов не включаются в состав словосочетаній с отношеніями детерминації. Однако в лингвистической литературе высказывается и другое мненіе по этому вопросу. Так, М. Н. Петерсон, В. П. Сухотин считают, что предикативные синтаксические группы также принадлежат, наравне с другими, к словосочетаніям. Безусловно, нельзя отказать таким, например, высказываніям, как: *сонце зійшло, соловей співає* — в том, что их компоненти сочетаются, но имеют отношенія не детерминації, а взаимной детерминації. Нельзя не заметить основного отличія их от таких, как: *студентський колектив, намалювати картину* и др., — которое проявляется и в характере отношеній и в коммуникативных функциях. Чтобы не смешивать этих синтаксически и лексически разных сочетаній, можно условно дифференцировать их названія: словосочетаніями будут называться образованія (вне предложения) с атрибутивными, объективными, релятивными, аппозитивными, адвербиальными отношеніями, а сочетаніем слов — структурные основы предложения — соединеніе сказуемого с подлежащим.

Словосочетанія в предложении соединяются с отдельными словами, с другими словосочетаніями, членятся ими, перегруппировываются в прямом соответствии с целью и экспрессией выражения мысли, теряя при этом в ряде случаев, когда идет речь о комплектных распространяемых словах, функциональный признак номинатива.

Предикативно связанное сказуемое с подлежащим, и другие сочетанія слов, и интонационные рисунки высказыванія, и вводные слова, короче говоря, все синтаксические атрибуты,

необходимые для сообщения мысли, для грамматического выражения акта сообщения, находятся за пределами синтаксической теории словосочетаний. Они являются объектами синтаксиса предложения. Это дает основание утверждать, что синтаксически более разнообразные возможности соединения слов в предложении не могут вместиться в относительно узкие рамки правил распространения отдельных слов в пределах словосочетаний.

Функция предложения в определенных, нелингвистических, актуализаторах может смещаться — от сообщения к номинации. Такое смещение наблюдается в тех случаях, когда предикативные сочетания слов выражают не суждение, а название художественных произведений (*Хіба ревуть воли, як ясла повні?, Партія веде*), картин (*Дівчина ворожить — Пимоненка, Жінка читає — Лазарчука*) и т. п. В таких предложениях функция именованія воспринимается более рельефно, чем высказывания. В речи словосочетания могут выражать не номинацию, а суждение. В таком случае оно сопровождается интонацией сообщения.

Словосочетания и второстепенные члены предложения относились некоторыми грамматистами, развивавшими теорию Ф. И. Буслаева и А. А. Шахматова, к одной синтаксической категории. Учение о второстепенных членах предложения не вмещает всей синтаксической разновидности живого языка. Кроме отчетливых второстепенных членов предложения, имеется в языке большое количество переходных, функционально нечетких. На данном этапе развития науки о языке перед языковедами стал вопрос: чем заниматься при исследовании простого высказывания — поисками подвижных граней между периферийными элементами традиционных членов предложения или изучением практически нужных закономерностей сочетания слов в предложении. При ответе на этот вопрос обнаружилось различные взгляды на природу и функции словосочетаний, а также тенденции к отождествлению второстепенных членов предложения со словосочетаниями.

Все члены предложения находятся в прямой зависимости от синтаксической организации высказывания. Вне структуры предложения как основной синтаксической единицы не бывает ни главных, ни второстепенных членов.

Отношения между сказуемым и подлежащим детализируются, конкретизируются словами, словосочетаниями в предложении.

Субъект высказывания может манифестироваться одним словом. Роль такого субъекта в коммуникативной системе

языка очень незначительна. Он представляет собой такой элемент в высказывании, который одинаково воспринимается информантами как данное. От такого субъекта отличается субъект высказывания, манифестируемый словосочетанием или детерминированным словосочетанием. Информативность такого субъекта неоспорима. Например, субъектное словосочетание *блакитне небо* детерминируется словом *погідне* в таком предложении: *Погідне блакитне небо дихало на землю теплом* (М. Коцюбинський). Отношения взаимной детерминации в разной степени информационные. Они всегда несут новый элемент для информанта. В субъекте взаимодетерминантные отношения не выполняют основной функции, однако они значительно дополняют последнюю. Основную функцию в предложении выполняет предикат. В роли предикатов, как правило, выступают словосочетания. С этой целью могут использоваться продуктивные в национальном языке в известной степени воспроизводимые словосочетания, а также модели функционирующих вне высказывания словосочетаний для создания своеобразно локальных, в пределах предложения, словосочетаний, подчиненных только данному акту сообщения.

В структуре предложения как основной коммуникативной и синтаксической единицы словосочетания выполняют функцию всех членов предложения. Правила и закономерности организации словоформ в структуре предложения разностороннее, чем объединения этих же словоформ в словосочетаниях. Зато смысловые отношения между элементами словосочетаний не вкладываются в узкие рамки грамматического отражения второстепенных членов предложения. Второстепенные члены предложения обобщают неполно, лишь приблизительно многообразные детерминантные отношения между компонентами словосочетаний.

В составе предложений функционируют элементы с синкретической ролью. Их не предусматривает ни один тип второстепенных членов, например: *Вогонь був таким, що в повітрі снаряди стрічалися з снарядами* (М. Стельмах). Предложная конструкция имени существительного *в повітрі* выступает как детерминант и подлежащего и сказуемого, но с разными значениями: в первом случае атрибутивные отношения (*снаряди — какие? — в повітрі*), во втором — адвербиальные (*стрічалися — где? — в повітрі*). В научной литературе, посвященной второстепенным членам предложения, подчеркивается, что второстепенные члены предложения имеют более или менее постоянную лексико-грамматическую основу: основой определений считаются прилагательные, местоимения типа прилага-

тельных, порядковые числительные, причастия; — дополнений — имена существительные (местоимения) в косвенных падежах с предлогами и без предлогов; обстоятельств — наречия, деепричастия. Наиболее последовательно в этом отношении употребляются носители атрибутивных отношений, хотя и в этом типе второстепенных членов имеется много отклонений. Например, в атрибутивные отношения могут вступать и такие распространяющие слова, которые выражены не так называемыми определительными морфологическими разрядами, а предложными конструкциями существительных (*будинок з колонами, хустка з червоними рожами*). Но бывают отклонения и другого характера. Определительные части речи, преимущественно прилагательные и причастия, употребляются в роли обстоятельств: *дибай скалічений*. Значительно больше случаев отклонения от теории второстепенных членов предложения в морфологической базе дополнений: существительные (или функциональные существительные) в косвенных падежах с предлогами и без предлогов могут употребляться в роли и дополнения, и определения, и обстоятельств. Они могут выражать и синкретические значения — дополнения и обстоятельства (*поїздка на — що? и куди? — полювання*), дополнения и определения (*спогади про кого—що? и які? — командира*). Все это подтверждает положение о том, что грамматическая специализация второстепенных членов предложения не охватывает всего многообразия их функционально-синтаксических значений.

Словосочетания с их потенциально развитыми синтаксическими отношениями ограничиваются очень узкими рамками грамматических форм выражения второстепенных членов, функции которых они выполняют в структуре предложений. Словосочетания и второстепенные члены предложения взаимно не исключаются, но тем не менее и не совпадают, не накладываются одни на другие. Анализ внутренней структуры любого предложения по его членам игнорирует вторую сторону языкового знака вообще и предложения в частности — предметную соотнесенность. Что, например, обозначают такие грамматические пары, как: *схожий півень, гуляти з нагоди*? Ответить на этот вопрос нельзя без распространения зависимых членов предложения в этих грамматических парах: *схожий на* (кого—что) *півень* и *гуляти з нагоди* (чего). В первом случае мы имеем дело с грамматическими парами, не являющимися словосочетаниями, во втором — со словосочетаниями, выступающими в роли (соответственно) определения и предложного объекта. Вместо такого, схематического, анализа

высказывания, можно использовать, надо полагать, более совершенный метод анализа по непосредственно составляющим, учитывающим двузначность языкового знака. Он строится на синтаксических отношениях детерминанта к детерминированному компоненту.

На уровне предложения непосредственно составляющими выступают детерминанты с детерминированными структурными основами — субъектом и предикатом. Детерминированный субъект и предикат вместе с детерминантами представляют собой конструкты высказывания. Каждый из конструктов выражается цепочкой бинарных словосочетаний. Из бинарных словосочетаний состоят непосредственно составляющие конструктов. По отношению же к высказыванию они выступают только как компоненты. Элементы бинарных словосочетаний являются непосредственно составляющими на уровне синтаксиса словосочетаний. На уровне высказывания они функционируют просто как составные части (компоненты).

Словосочетания и синтагмы представляют собой категории языка и речи. Теория синтагм разрабатывалась отечественными и зарубежными лингвистами: А. И. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, И. И. Мещанинов, А. П. Боголепов, А. А. Реформатский, В. П. Сухотин, А. С. Мельничук, Е. В. Кротевич, З. Клеменевич, Ф. де Соссюр, Ш. Балли и др.

Синтагмы отождествлялись то со словосочетаниями, то с членами предложения. Они рассматривались как «речевой такт», «интонационно ритмическая группа», «выдохвая группа», «смысловая группа» и т. п. Основные черты синтагмы следующие: 1. Синтагма — семантико-синтаксическая единица, образующаяся на базе национального языка, его законов и правил; 2. Синтагма проявляется при членении речевого потока; 3. Готовых, зафиксированных в языке синтагм не бывает: сочетание одних и тех же слов может составлять одну синтагму или группу синтагм — в зависимости от смысла выражения, ситуации¹, субъективного восприятия².

Как легко заметить, синтагмы имеют некоторые черты, совпадающие с признаками словосочетаний. Общие признаки следующие: 1. И синтагмы и словосочетания принадлежат к семантико-синтаксическим единицам; 2. И синтагмы и словосо-

¹ Акад. В. В. Виноградов. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 210.

² А. С. Мельничук. Порядок слов и синтагматическое членение предложений в славянских языках, К., 1958, стр. 16; Е го же, Развитие структуры слов'янского речения, К., 1966, стр. 61—63.

чтения имеют общую грамматическую основу. Они создаются с учетом правил любого национального языка, его закономерностей; 3. Предложения являются общей основой выявления и синтагм и словосочетаний (если иметь в виду взгляды отдельных языковедов на словосочетания как категорию, которая не существует вне предложения); 4. Словосочетания могут структурно совпадать с синтагмами.

И все же при самом незначительном внимании к этим общим признакам нельзя не заметить той грани, которая разделяет словосочетания и синтагмы. Если они и являются единицами, семантически и синтаксически замкнутыми, то эти единицы имеют абсолютно различную смысловую и грамматическую природу. Словосочетания принадлежат к семантико-синтаксическим единствам, имеющим вне предложения общественно осмысленную номинативную функцию. Семантическая структура словосочетаний воспринимается как объективная истина, одинаково осмысливаемая носителями языка как в структуре предложения, так и вне предложения. Синтагма, хотя и является объективной категорией речи, все же ее структура, объем проявляются через субъективно-эмоциональное восприятие «кусков жизни» тем, кому принадлежит данный речевой массив. Вне синтаксического целого, вне языковых актуализаторов синтагмы не имеют общественно апробированных значений. Они конкретно осмысливаются в каждом отдельном случае только в процессе отражения речью фактов действительности, только в контексте речи.

Образование синтагм зависит от синтаксических отношений, от структуры предложений, от системы образований словосочетаний. Синтагмы отличаются от словосочетаний своими функциями в предложении. Они проявляются при членении высказывания. Словосочетания входят в высказывание как составные части.

При членении высказывания синтагма может включать в себя и его структурную основу. Закономерности связи предиката с субъектом исследуются в синтаксисе предложения, но не словосочетания. Синтагма может совпадать не только с предложением, но и даже с отдельной словоформой. Словосочетания образуются тогда, когда в их состав входит не менее двух слов, лексически самостоятельных.

IV. ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Анализ семантико-синтаксической структуры большого количества разных типов словосочетаний украинского языка по-

зволюет разбить их на три группы: 1. Свободные (относительно свободные), 2. Фразеологически связанные и 3. Постоянные.

1. Свободные словосочетания имеют ту особенность, что компоненты их сохраняют лексико-синтаксическую автономность: они синтаксически распадаются сразу же, как только были составлены и необходимость в их коммуникативном функционировании отпала. Составные части их могут входить в структуру новых образований, сочетаясь с другими словами. Однако не все элементы словосочетаний имеют одинаковую лексико-грамматическую валентность. Признак, например, *зеленый* с основным, первичным, значением имеет намного шире круг образований, чем при этих же условиях, скажем, слово *сивый*. Хотя и определение *зеленый* имеет свои ограничения, свой круг семантического употребления, свои своеобразные семантические горизонты. Называя признак, свойственный преимущественно флоре и частично фауне, оно соединяется со словами этих лексических рядов. Но оно теряет первичное, прямое, значение, соединяясь со словами, обозначающими домашних животных, людей, жителей континентов, выявления эмоций, чувств, воли. Прямые значения слов, даже с наиболее широким диапазоном лексико-семантических связей, оказываются лексически ограниченными. Все это говорит о том, что абсолютно свободных словосочетаний нет, что образование словосочетаний с первичным значением зависит как от грамматической природы соединяемых слов, так и от принадлежности их к разным сферам употребления. Относительно свободные словосочетания с ограниченными лексико-грамматическими связями являются по существу базой образований синтаксически стационарных (с некомплектными распространяемыми элементами) словосочетаний, сохраняющих семантическую структуру даже в составе предложения.

Во всех словосочетаниях с первично номинативным осмыслением имеется, кроме опорного слова, языковой контекст переменной характера. Переменная часть словосочетаний лексически ограничивает, связывает лексическое значение основного, грамматически господствующего слова, направляя его в русло либо первичных, либо вторичных, либо непрямых значений, трансформируя относительно свободные словосочетания в разной степени фразеологически связанные единства. Именно эта часть синтаксически свободных словосочетаний проявляет тенденцию к стабилизации компонентов, к отходу от глобальной семантической структуры, к трансформации их в лексикализованные единицы. Эту тенденцию можно про-

следить на словосочетаниях, стационарная часть которых выражена любыми фразеологизирующимися словоформами, например: *кіготь, чорний, ніс*. Лексема *кіготь* употребляется с предметным значением, соединяясь с переменной частью, обозначающей все виды ряда пернатых, кошачьих и т. п. Признак *чорний* свойственный многим разнородным предметам, существам, явлениям. Соединяясь с переменными словоформами, обозначающими реалии, он сохраняет свое первичное значение: *чорна земля, чорне волосся, чорні брови*. С таким же предметным осмыслением употребляется и слово *ніс*, вступая в лексико-грамматические связи с переменными актуализаторами: *рівний ніс, бити по носі*. Чем яснее чувствуется предметное значение компонентов словосочетаний, тем менее необходимо для их характеристики постоянный контекст, тем свободнее они соединяются со словоформами разных семантических классов, образуя свободные или относительно свободные словосочетания. И, наоборот, чем дальше отталкивается стационарная словоформа от своего первичного, предметного, значения, чем четче воспринимается не прямое, метафорическое его употребление, тем острее чувствуется необходимость в стационарном контексте, тем она ближе стает к разряду фразеологически связанных, тем полнее ее зависимость от лексико-грамматического окружения.

Если же актуализаторы обуславливают видоизменение, смещение значения в сторону метафоричности распространяемого слова какого-либо словосочетания, то в таких случаях закрепляется в памяти носителей языка как грамматически членная эмоционально-экспрессивная и семантическая единица, распространяемая словоформа которой предусматривает стационарный контекст в том лексическом выражении, которым обусловлено это значение, например: *криваві кігті поміщиків, чорна думка, про чорний день, цибульки дати під ніс* и мн. др.

Грамматическая ограниченность, синтаксическая специализация отдельных словоформ являются потенциальными источниками фразеологизации. Распространяемые слова ограничивают переменные актуализаторы в выборе форм грамматической связи. Так, слово *мокрый* детерминируется только одной предложной конструкцией существительного в форме родительного падежа. Выбор предлога здесь не произвольный. С тринадцати предлогов, соединяющихся с формой родительного падежа, информант выбирает только один. Никто из тех, кто знает украинский язык, не будет распространять слова *мокрый* предложной конструкцией имени существительного с такими

предлогами, как: *в (у), між, за, з, без, біля, серед, проти, з-за (із-за), з-під, до, для*, — потому что они не обеспечивают отражения реальных отношений между данным признаком и порождающей ее причиной: *мокрый у...*, *мокрый за...* и т. д. Предлог *від (од)* является единственным, который обеспечивает такие отношения: *мокрый від поту* (М. Коцюбинський, А. Головка, О. Гончар), *мокрый від сліз* (П. Мирний, М. Коцюбинський, В. Сосюра, О. Гончар), *мокрый від трудів* (О. Довженко), *мокрый від негоди* (А. Головка). В свою очередь предлог *від* не соединяется со словами типа *незрозумілий*, детерминация которых обусловлена также одной формой — родительного падежа и предлога *для*: *незрозумілий для кого*. Как видно, грамматическая дистрибутивность распространяемого элемента и синтаксическая обусловленность распространяющего имеют логическое отношение к явлению фразеологизации. Нельзя, однако, не заметить, что в приведенных выше иллюстрациях и, очевидно, в подобных разрядах слов формально-грамматическая дистрибутивность распространяемых элементов не совпадает с их лексико-грамматической дистрибутивностью. Семантическая валентность позволяет этим словоформам сочетаться с большим числом детерминантов. При использовании метода дистрибутивного анализа нам удастся установить наиболее широкие и наиболее узкие семантико-синтаксические поля детерминированных элементов. Синтаксическая замкнутость последних активно воздействует на процесс фразеологизации относительно свободных словосочетаний. Она непременно обусловлена наличием лингвистических актуализаторов. Актуализаторы могут быть стационарными и переменными. Словосочетания с более или менее постоянными актуализаторами в разные периоды развития языка видоизменились в фразеологические сочетания, компоненты которых теряют лексическую и грамматическую валентность.

2. Фразеологически связанные словосочетания объединяют фразеологизмы разной степени их лексикализации, согласно с классификацией акад. В. В. Виноградова, — фразеологические сочетания, фразеологические единства и фразеологические сращения.

Границы между переменными и постоянными актуализаторами в словосочетаниях подвижны. При сочетании словоформы с прямым значением со словоформой такого же значения распространяемое слово сопровождается переменными актуализаторами. При сочетании словоформы с номинативным значением или производным от него со словоформой, имеющей

непрямое значение, распространяемое слово предполагает стационарные актуализаторы. На основе одного и того же слова, в зависимости от лексико-семантического характера актуализаторов, возможны образования разных семантических серий и структурных типов — от прямых, первичных, лексически ограниченных словосочетаний до таких фразеологически связанных единств, в которых актуализаторы становятся нейтральными в определении семантического профиля сочетаний. Разной степени процесс лексикализации синтаксически свободных словосочетаний охватывает почти все возможные формы образования их. Наиболее показательными являются многосерийные образования словосочетаний. Серии состоят из сочетаний, имеющих живые синтаксические связи, лексическую и семантическую автономность их компонентов, с относительной потерей компонентами этих качеств, с затемнением лексических и грамматических значений. Грамматическая и лексико-семантическая аморфность элементов словосочетаний, точнее «окаменение» грамматической формы, полная потеря компонентами словосочетаний лексико-семантической сепаратности и образование на их основе новых семантических структур фразеологически связанных сочетаний, которые уже не выводятся из лексических значений элементов словосочетаний, не являются производными от них — это длительный процесс трансформации синтаксически свободных словосочетаний в лексикализованные единицы. В лексикализованных словосочетаниях по существу нет ни распространяемого слова ни актуализаторов к нему: *пишати́ся як поро́ся на орчику, про людське око, заварити кашу, кропив'яний шлюб*.

Наблюдения над фактами украинского языка позволяют утверждать, что наиболее распространенные серии синтаксически свободных словосочетаний и наибольшее количество фразеологических образований объединяются вокруг тех слов, которые обозначают части человеческого тела, бытовые предметы, преимущественно сельского употребления; явления общественной жизни; отдельные виды флоры и фауны, в непосредственном окружении которых развивались национальные особенности украинского народа и его язык. К примеру, слово *ніс* (нос) объединило, кроме свободных, целую группу словосочетаний с разной степенью лексикализации: *ніс човна, чобота, чайника; уткнути носа, втерти носа*.

Обращает на себя внимание тот факт, что глаголы типа *бити, витерти, втерти* и т. п. в сочетании со словом *ніс* могут отражать и прямые отношения. Однако семантическая структура оборотов (*втерти ніс, втерти носа* и под.) может видоиз-

меняться при соответствующих (языковых или ситуационных) актуализаторах в фразеологически связанную. В таких случаях она уже не мотивируется лексическими значениями их десигнатов, наоборот, последние почти нейтральны к семантике фразеологических оборотов.

В фразеологически связанных образованиях слово *nis* выступает в роли прилагательного (*дати по носі*) и приименного (*кров з носа*) объекта. Такие сочетания обозначают приближение в пространстве, способ действия, отрезок времени.

Лексикализованные выражения диахронно соотносятся с теми словосочетаниями, которые имеют постоянный контекст. Чем ярче воспринимается метафорическая роль контекста, тем заметнее аналитическая структура словосочетаний, тем более аргументированная их внешняя и внутренняя формы, например: *голова кучерявого дуба*, — и, наоборот, чем больше забыты, «затерты» метафорические наслоения, тем меньше лексико-грамматической аргументации словосочетаний, тем больше условий для их преобразования в фразеологически связанные сочетания: *ріг достатку*, *ніти вгору* и др.

Таким образом, относительно свободные словосочетания представляют собой такую же периферию словосочетаний с постоянными актуализаторами, как последние являются периферией фразеологически связанных словосочетаний, изучением которых занимается такая отрасль лингвистики, как фразеология.

Наука о фразеологически связанных словосочетаниях — относительно молодая. Она начала интенсивно развиваться в XX веке, особенно в последние два десятилетия. Вопросами фразеологии занимались отечественные и зарубежные языковеды: В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Л. А. Булаховский, А. И. Бабкин, П. М. Галкина-Федорук, Н. М. Шанский, Ш. Балли, В. Дорощевский, С. Скорупка и др.

В научной литературе принята (с некоторыми изменениями и уточнениями) классификация фразеологизмов, предложенная акад. В. В. Виноградовым: фразеологические сочетания, фразеологические единства, фразеологические сращения. Вместе взятые, они представляют собой фразеологически связанные словосочетания.

Фразеологические сочетания представляют собой первую степень лексикализации синтаксически свободных словосочетаний. Это такие лексико-семантические единицы, в которых значения компонентов семантически более связаны между собой, чем значения элементов свободных словосочетаний.

Составные части фразеологических сочетаний близки к

традиционному лексико-грамматическому образованию. Фразеологические сочетания имеют самое большое количество пестрых по степеням их структурно-семантической спаянности соединений. К ним примыкают и словосочетания со стационарными связями: *з гарячки заговорити, забагато честі для когось, смертний бій* и мн. др. — и такие, которые граничат с фразеологическими единствами: *правда очі коле, поставити на ґрунт*. Лексическое значение одного из компонентов фразеологического сочетания — несвободное, фразеологически связанное. Это самый существенный признак этой группы фразеологизмов. Несвободность, связанность этого компонента заключается в том, что его валентность позволяет сочетаться всего с одним или двумя (тремя, четырьмя, но не более) переменными актуализаторами, например, предложная конструкция *в безвихідь* сочетается с *зайти* и реже *потрапити*, а слово *неприторенний* — только с одним словом *дурень*.

Составные части фразеологических сочетаний почти сохраняют автономность своих лексических и грамматических значений. Импульсом фразеологизации здесь можно считать валентную ограниченность одного из компонентов сочетаний, которых, кстати, не так много не только в украинском, но и в других языках.

Фразеологические единства — это такие неделимые смысловые группы, семантическая структура которых как будто складывается из лексических значений их компонентов, но в действительности последние только проецируют ее. Лексические значения, в отличие от фразеологических сочетаний, влияясь в семантическую структуру единств, не поддаются членению, хотя в них сохраняются еще очень незначительные связи с семантической структурой целого, с формами грамматического выражения: *накивати п'ятами, забити клин, оббивати пороги, мати камінь за пазухою, видно пана по халявах, на ноги стати*.

Структурно-семантические особенности фразеологических единств характеризуются тем, что ни один член их не может быть замещен синонимом. Первая попытка сделать такую замену приведет к деформации единства как лексико-экспрессивной единицы. Фразеологические единства допускают синонимическую замену не отдельных элементов в их составе, а одного фразеологизма другим: *на вгороді бузина, а в Києві дядько — хто про Хому, а хто про Ярему*.

В семантическую структуру фразеологических единств органически вплетается элемент образности, перифрастичности. Причем он не выделяется, а как будто предусматривается зна-

чением всего фразеологизма: *блудом ходити, за водою плисти, дзвонити в усі дзвони*.

Внутренняя тесно спаянная семантическая структура фразеологических единств может совпадать с формой выражения синтаксически свободных словосочетаний. Ср.: *знімати пінку*, — употребляется с мотивированным десигнатором и фразеологически связанным оттенком метафоричности — не принимающая участия в создании материальных ценностей, пользоваться самым лучшим.

Семантическая структура синтаксически свободных словосочетаний, все больше и больше распространяясь среди информантов с метафорическим наслоением, с течением времени превращаясь из аналитической в новую, практически неделимую, своеобразно синтетическую, представленную фразеологическим единством, настолько лексикализируется, то есть структура фразеологического единства настолько отрывается от значений его компонентов, что отдельные звенья в их синтаксической структуре могут опускаться в языке и речи без какого-либо воздействия на семантическое и экспрессивное качество: *ні в зуб ногою не розуміти—ні в зуб ногою* и мн. др.

Процесс фразеологизации сочетаний интенсифицируется чисто эвфоническими факторами, внутренними рифмами: *катиюзі по заслугі; пішла по масло, та й у печі погасло* и др.

Фразеологические единства включают в свой состав употребляемые в общественной речевой практике образные и эмоциональные обороты речи, пословицы, поговорки, афоризмы, остроты, каламбуры: *близько лікоть, та не вкусиш; і будень, і неділя — лінивому все безділля; цур дурня й масла грудка* и др. Семантическая структура фразеологических единств складывается как будто из лексических значений слов, имеющих предметную соотнесенность: *по своєму ліжку простягай ніжку*. Здесь каждая словоформа: *свій, ніжка, ліжка, простягати* — по-своему предметно осмысливается вне этого единства. Однако при синтаксическом сочетании подобных первичных значений в одно фразеологическое целое сознание выделяет из них такие дополнительные десигнаторы, элементов которых нет в каждом из них, отдельно взятых. Основная, номинативная, семантическая структура всего сочетания оттесняется здесь наслоением, можно сказать, основного — удовлетворять свои потребности в соответствии со своим заработком. Это действительно новое, в этой лексической среде, значение выделяется из контекста, из непрямого, фигурального, как будто завуалировано образного восприятия денотатов. Способы, формы грамматической связи в этих фразеологизмах находят-

ся на грани отмирания, поскольку десигнаторы почти не мотивируются десигнатами.

Фразеологические сращения состоят из лексикализованных единиц. Ими завершается процесс лексикализации некогда синтаксически свободных словосочетаний. В отличие от фразеологических единств, в которых остались хотя еще заметные следы живых синтаксических отношений и возможность мотивировки семантической структуры фразеологизма лексическими значениями его компонентов, фразеологические сращения характеризуются, можно сказать, абсолютной смысловой неделимостью, спаянностью, например: *спіймати облизня, зачепити болючі струни, взяло за живе, жили тяготи, додати ложку дьогтю* и др.

С точки зрения норм грамматики современного украинского языка и сознания его носителей на данном этапе его развития значительная часть выделенных выше и подобных к ним фразеологизмов, в частности, их семантическая структура и синтаксическая организация совсем не мотивируются. Грамматическая форма и лексические значения при употреблении таких фразеологизмов сведены к нулю. Они только графически сохраняют членность своих компонентов. Семантическая структура фразеологического сращения тождественна одному слову. Для примера возьмем: *байдики бити* и *червоний куток*. Употребляя эти фразеологизмы, никто и внимания не обращает на лексические значения их компонентов, потому что роль их в этих образованиях своеобразная, можно сказать, символическая. Это по существу не языковые знаки: они ничего не обозначают. А знак всегда что-то обозначает. Выражены грамматической формой, они не имеют грамматических значений. Семантическая структура *байдики бити* не выводится из лексических значений членов этого, как и ему подобных, фразеологизма — день ото дня ничего не делать. Тем более, лексическое значение одного из его компонентов *байдики* исчезло. Что обозначала когда-то эта форма — носителям современного украинского языка неизвестно. Вот почему значение этого фразеологизма (и всех сращений) настолько стабилизировалось, так сказать, сцементировалось в нем, что употребляется параллельно с семантически идентичным лексическим значением, выраженным отдельной словоформой: *байдикувати* или *ледарювати*. Этим словам свойственны уже и грамматические значения.

Синтезированные значения фразеологических сращений не только украинского, но и других языков могут быть объяснены в связи с историей развития языка, в связи с развитием на-

ционального самосознания информантов, их культуры, в связи с пробуждением и развитием социально-классового миропонимания. Правда, такие объяснения часто бывают приблизительны, а в ряде случаев и априорны. В этих объяснениях высказываются только догадки, касающиеся реалий, предметных значений членов фразеологических сращений.

Абсолютное же большинство сращений пока что не поддается анализу в диахронном плане. Это объясняется прежде всего тем, что с развитием цивилизации изменялся быт, общественные институты, представления людей о многих вещах, явлениях природы. В связи с этим забывались, а затем бесследно исчезали предметы, их свойства, характер отношений между ними, а также языковые знаки, обозначавшие их. Такие знаки сохранились, очевидно, только в тех сочетаниях, которыми манифестировались самые продуктивные отношения забытых предметов к их признакам, свойствам или к другим предметам или уже тогда выражали не прямые, эмоционально колоритные значения и были «ходовыми», продуктивными.

3. Постоянные словосочетания близки к синтаксически свободным словосочетаниям как своим десигнатам, так и десигнаторам. Но вместе с тем, они отличаются от первых тем, что они не имеют переменных компонентов и на их семантическую структуру никогда не наслаивается элемент метафоричности. Эта группа словосочетаний сохраняет живые синтаксические отношения. В них мотивируется их внешняя и внутренняя форма лексическими и грамматическими значениями их компонентов, чем они отличаются от фразеологически связанных словосочетаний.

Постоянные словосочетания состоят из сложных названий государственных учреждений, политических организаций, сложной терминологии различных отраслей науки, техники, промышленности, сельского хозяйства, культуры, искусства, делопроизводства. Их семантическая структура исключает аналитический метод при характеристике их внешней формы. Например, при первой попытке выделить один из компонентов постоянного словосочетания, скажем, *Ужгородский государственный университет* для характеристики его грамматических значений бросится в глаза деформация его семантической структуры, несоответствие десигната десигнатору. Но вне этого словосочетания каждый из компонентов сохраняет свойство вступать в связи со словами других семантических классов, образуя свободные или новые постоянные словосочетания. Слово, например, *государственный* употребляется и в таких

постоянных словосочетаниях: *Государственная премия, государственные учреждения*.

Стабильность словосочетаний этой группы обуславливается тем, что они употребляются с одинаковыми значениями, имеют постоянный лексический состав с постоянными грамматическими и лексическими значениями, такой порядок слов, который не поддается, кроме редких случаев, инверсии, а также тем, что они употребляются очень часто всеми, кто пользуется украинским языком, или какими-либо профессионально-производственным коллективом, когда иметь в виду сложные производственно-технические или сельскохозяйственные термины. Предпосылкой стабильности является синтаксическая специализация или одного из элементов постоянных словосочетаний или всего словосочетания, а также некомплектность отдельных слов (*спутник* чего).

V. ГРАММАТИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Строение синтаксически свободных словосочетаний полностью зависит от цели их образования, от лексико-синтаксической природы детерминированных слов. Строение словосочетаний поддается анализу по двум принципам: количественном и формально грамматическом. По принципу количественного анализа все словосочетания делятся на простые (бинарные) и сложные. По принципу формально грамматического анализа словосочетания делятся на три группы моделей: именные, глагольные и адвербиальные.

Под моделью словосочетаний понимается синтаксическое объединение с типичными для него формами грамматической связи, характерными для определенного лексико-грамматического разряда слов, но индифферентными к конкретным манифестантам их. Так, среди продуктивных в современном украинском языке можно назвать модель существительное в именительном падеже + существительное в родительном падеже. Эта форма синтаксической связи может манифестироваться распространяемыми словами самых различных семантических, эмоциональных, экспрессивных классов, например: *герої Дніпра, поле бою, квітка кохання, шатро неба* и мн. др.

Простые словосочетания состоят из двух лексически самостоятельных слов. К ним относятся и те словосочетания, один из компонентов которых выражен аналитической формой прилагательных или глаголов либо фразеологически связанными словосочетаниями: *статі більші потужним, хочеться поділитися думками, бути пробним каменем*.

Сложные словосочетания отличаются от простых тем, что один из компонентов (или оба) бинарных словосочетаний распространяется одним, двумя или большим количеством автономных словоформ. В основе любого сложного словосочетания лежит модель простого словосочетания: *вирватися з темного лона ночі, невідомий рядовий боєць стрілецької роти*. Как видно, бинарные словосочетания могут распространяться целой цепочкой самостоятельных слов, которые размещаются в своеобразной перспективе иерархического подчинения. Каждая модель простого и сложного сочетания имеет грамматически господствующее (оно же и детерминированное) слово. В зависимости от того, каким морфологическим разрядом будет выражен грамматически господствующий компонент, все словосочетания делятся на следующие типы: именные (*стольний Київ, підтримка постійної готовності до дії*), глагольные (*вичитувати верстку, піти на завод варити сталь*), адвербиальные (*так легко, близько до серця*).

Именные словосочетания делятся на четыре группы: субстантивные, адъективные, нумеральные, прономинальные.

2. Субстантивные бинарные словосочетания состоят из двух групп: адъективно-субстантивных и субстантивно-субстантивных.

В адъективно-субстантивных словосочетаниях типичной формой синтаксической связи является полное согласование. Функцию детерминанта в этих словосочетаниях могут выполнять прилагательные, причастия, порядковые числительные, местоимения типа прилагательных. Адъективно-субстантивные словосочетания, в отличие от других типов, своеобразно соединяются с детерминированными элементами на более высоком структурном уровне. Манифестантами формы грамматической связи в этом случае выступают оба компонента бинарного словосочетания, то есть распространяющий элемент простого сочетания не индифферентный, как в других типах, скажем, субстантивно-субстантивных, к связям со словами или другими бинарными соединениями.

Атрибутивные отношения субстантивных словосочетаний не всегда вмещаются в рамках адъективно-субстантивной модели. Синтаксическая связь полного согласования не является единственной формой выражения атрибутивных отношений. Функционирует в языке достаточно большая группа образований с определяемыми компонентами, связь между элементами которых (образований) ничего не имеет общего с согласованием, а представляет собой «стертые» следы предложного управления. В таких субстантивных словосочетаниях роль детер-

миннирующего компонента выполняет представитель не определенного морфологического разряда, а предложная конструкция имени существительного. Таким образом, атрибутивные отношения манифестируются не только адъективно-субстантивной моделью, но и моделью субстантивно-препозиционно-субстантивной. Распространяемые предложные конструкции существительных соединяются с распространяемыми компонентами субстантивных бинарных словосочетаний при помощи четырех падежных форм: родительного, винительного, творительного и предложного, например (соответственно): *вітер з моря, подорож у космос, коні з вогнем, зустріч на палубі*.

Грамматически господствующие слова в субстантивных бинарных словосочетаниях не только определяют, но и дополняются существительными, местоимениями в разных падежных формах, инфинитивами. Изменение характера синтаксических отношений влечет за собой изменение и форм грамматической связи. В субстантивно-субстантивных словосочетаниях распространяющие элементы управляются распространяемыми словами, как правило, опосредствованно. Непосредственное присубстантивное управление наблюдается преимущественно в форме родительного падежа определительных существительных (*проміння сонця*), если не брать во внимание редких случаев распространения существительных субстантивированными прилагательными (*усмішка старого*).

В сочетаниях рассматриваемого типа структурно господствующее существительное грамматически соединяется с объектным существительным или местоимением при помощи предложного и беспредложного управления, которое манифестируется всеми формами косвенных падежей.

Функцию детерминирующего компонента в субстантивных бинарных сочетаниях может выполнять и инфинитив. Отношения между непосредственно составляющим этой простой структуры имеют атрибутивный характер (*спроба*) *яка? (опертися)*.

3. Адъективные бинарные словосочетания характеризуются тем, что определения, выраженные прилагательными или причастиями, выполняют в них роль грамматически господствующего слова и являются объектом детерминации. Детерминируется оно почти всегда именем существительным (местоимением) и очень редко глаголом. По своему морфологическому составу адъективные словосочетания как бы идентичны субстантивным, но это инвентарно-лексическое сходство. Это разные сочетания. В отличие от атрибутивно-субстантивных соединений, в которых грамматические значения детерминиру-

ющего прилагательного совпадают с грамматическими значениями детерминированного существительного, — компоненты адъективных словосочетаний не согласуются между собой. Прилагательное или причастие как распространяемый элемент адъективного словосочетания управляет непосредственно и опосредствованно объективированным существительным, например: *прикрашений квітами, оточений дітьми, прозорий дна, найкращий у світі, підібраний на полі*. Детерминирующую роль в бинарных адъективных словосочетаниях могут выполнять, правда, очень нерегулярно и прилагательные, местоимения, наречия, инфинитивы. Зависимые от грамматически господствующего слова адъективных словосочетаний именные морфологические разряды выступают в разных падежных формах с предлогом и без предлога. Так, предложная конструкция существительного соединяется с распространяемым элементом в форме четырех падежей: родительного, дательного, творительного и предложного.

Регулярность манифестирующих падежных форм в адъективно-препозиционно-субстантивных словосочетаниях разная. Например, из ста двадцати лингвистических феноменов, взятых без специального подбора, самыми регулярными выявились формы родительного падежа — 55 случаев употребления, затем винительного падежа — 35 и предложного — 25. Спорадически в этом случае манифестирует связь форма творительного падежа: выявлено всего лишь пять случаев. Иная картина вырисовывается в тех словосочетаниях, в которых детерминирующую роль выполняют существительные без предлогов. Связь здесь обеспечивается тремя падежными формами — родительного, дательного и творительного. Подвергнуты наблюдению 116 объектов. Оказалось, что творительный падеж — самая регулярная в этом случае форма связи: сто один случай манифестации. Родительный падеж — в 10 случаях и дательный — только в пяти. К этому следует добавить, что в анализируемой подгруппе адъективных словосочетаний не бывают детерминированными ни порядковые числительные, ни местоимения типа прилагательных. Напрашивается предварительный вывод: адъективные словосочетания с беспредложной связью между их компонентами стоят ближе к фразеологически неизменным синтаксическим сочетаниям, чем с предложной связью. Это объясняется большей синтаксической специализацией распространяющих элементов, выраженных прилагательными, в управлении творительным падежом без предлога: *переповнений людьми*.

4. Модели словосочетаний, грамматически господствующие

компоненты которых выражены местоимением или числительным, менее продуктивны в украинском, как и русском, языке, чем субстантивные и адъективные.

Местоименные словосочетания могут распространяться как предложными, так и беспредложными конструкциями существительных (местоимений). Связь распространяющих предложных конструкций с местоимениями манифестируется двумя падежными формами — родительного и творительного. Структура таких местоименных словосочетаний от частоты употребления в литературном языке трансформировалась в синтаксическую модель, смена одного из компонентов которой не влияет на характер грамматической связи: *нам з тобою, ми з братом, ніхто з наймачів*.

Функцию грамматически господствующего компонента может выполнять и числительное. Синтаксические связи распространяемого порядкового числительного с распространяющим его словом ничем не отличаются от связей адъективных словосочетаний. Количественные числительные, управляя зависимыми от них существительными, отличаются от всех субстантивных тем, что они, особенно *два, три, четыре*, потеряли или почти потеряли живые синтаксические связи. Они названы акад. А. А. Шахматовым неразложимыми, неделимыми¹.

Числительное *один*, объединяясь с зависимым существительным или другим числительным в родительном падеже, представляет собой синтаксический стереотип, образованный по моделям сочетания неопределенного местоимения с предложной конструкцией существительного: *дехто з друзів, один з нас, один з двох*.

Б. Бинарные словосочетания с грамматически главным компонентом, выраженным глаголом, характеризуется тем, что внутриграмматические связи между их элементами не совпадают с синтаксическими функциями распространяющих слов. Свою роль глагол может выполнять во всех возможных для него грамматических значениях: времени, числа, лица, рода. Глагол как детерминированный элемент может распространяться словами всех лексически самостоятельных разрядов. Изменяя, в зависимости от цели высказывания, свои грамматические значения, он выявляет разносторонние синтаксические связи только с именными частями речи.

Распространяемый глагол имеет ограниченные формы грамматической связи с инфинитивом другого глагола, с наречиями, с предложными конструкциями имен существитель-

¹ См.: А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, вып. I, 1925, стр. 271.

ных, местоимениями, имеющими тенденцию к видоизменению синтаксической функции дополнения на обстоятельство. Эта ограниченность компенсируется усилением смысловых взаимосвязей между компонентами словосочетаний. Синтаксическая связь глагола с детерминирующими элементами, выраженными именными частями речи, реализуется сильным и слабым управлением и различными падежными манифестациями: родительного, винительного, творительного и предложного. Форма дательного падежа сравнительно редко связывает детерминант с детерминированным элементом в бинарных глагольных словосочетаниях.

В глагольных бинарных словосочетаниях распространяющий элемент может иметь две структуры: предложную и беспредложную. Из этих двух структур в синтаксической системе украинского литературного языка более продуктивной в словосочетаниях этого типа являются предложные структуры. Это можно подтвердить следующими фактами: из текстов художественной литературы выбрано двести восемнадцать феноменов словосочетаний, в которых распространяемый глагол выступает как грамматически господствующий элемент. Из 218 феноменов оказалось 156 таких, в которых детерминирующие компоненты выражены предложной конструкцией имен существительных, и только 62 — беспредложных. Вполне понятно, что вывод о преимуществе предложных конструкций над беспредложными не абсолютный, но, тем не менее, он отражает тенденцию глаголов в синтаксисе словосочетаний украинского языка к адвербиализированным отношениям и к соответствующему ограничению объектных отношений. Эта тенденция отражается и в манифестации синтаксической связи между детерминантами глагольных бинарных словосочетаний. Почти каждая предложная конструкция в роли распространяющего глагол элемента несет в себе заряд дополнительного значения — адвербиализации: *розвертатися з ходу, оформлятися в штабі*.

6. Адвербиальные словосочетания имеют ту особенность, что распространяемый десигнат, выраженный грамматически неизменяемым словом, управляет грамматическими словами, выступающими в роли детерминантов. Наиболее регулярно выполняют функцию детерминантов существительные или местоимения в форме родительного (*вперед до річки, обабіч дороги*), творительного (*низько над полем*), сравнительно реже дательного и предложного падежей.

7. Модели сложных словосочетаний организуются на базе той или другой модели бинарных словосочетаний. Слож-

ные словосочетания, образованные из двух, трех и т. д. бинарных словосочетаний, имеют всего лишь по одному грамматически господствующему элементу как выразителю их внешней формы. Грамматически господствующие слова других простых словосочетаний, входящих составными компонентами в сложные, в соответствующей иерархической последовательности подчиняются господствующему элементу главного словосочетания, обеспечивая таким образом внутреннюю связь сложных словосочетаний. Модели сложных словосочетаний по количеству составных частей состоят из: I. трехэлементных и II. — четырех-, пяти- и т. д. элементных.

I. Трехэлементные словосочетания — это сложные образования, в которых бинарное словосочетание распространяет третий элемент, выраженный отдельной словоформой, либо, наоборот, отдельная словоформа распространяет бинарное словосочетание, например: *чисте дно річки, пироги у селянській торбі, дівчина небаченої краси.*

Трехэлементные словосочетания моделируются как в языке, так и в речи как будто экспромтом. В действительности сама по себе модель в любом языке и в украинском в частности не является продуктом, произведением творческой индивидуальности. Она принадлежит к категории, которая не зависит от вкусов того или другого, даже гениального, носителя языка. Трехэлементные, как и бинарные, модели словосочетаний остаются нейтральными к стилям языка, к сферам функционирования национального языка, более того, они могут быть общими для разных языков, особенно для близкородственных, скажем украинского и русского. Творческая индивидуальность, экспромт проявляются в наполнении лексикограмматической значимостью той или другой модели. Тут отражаются и профессионально-производственный, и научно-философский, и художественно-образный, и чисто утилитарный способы мышления, и эмоциональное восприятие объективного мира, и эстетические вкусы. Грамматические формы внутренней организации словосочетаний разных моделей, хотя и обуславливаются индивидуальными критериями сближения лексем, актуальных для определенного момента мышления, все же опираются на общеобязательные законы и правила национального языка. Модель одного и того же типа трехэлементных словосочетаний может иметь разную внутриграмматическую организацию.

Модели субстантивных трехэлементных словосочетаний состоят из следующих разновидностей:

A. 1. Третий (атрибутивный) элемент распространяет прос-

тое атрибутивно-субстантивное словосочетание. Модель — $A + A + S$: *білі літні ночі*.

2. Третий (атрибутивный) элемент распространяет субстантивно-субстантивное бинарное словосочетание. Модель — $A + S + S$: *розвержена душа стихії*. В этих двух моделях третий элемент детерминирует семантическую структуру бинарных словосочетаний в целом.

3. Третий (атрибутивный) элемент распространяет только второй компонент субстантивно-субстантивных бинарных словосочетаний. Модель — $S + A + S$: *куточок живої природи*.

4. Более разнообразная внутриграмматическая структура трехэлементных субстантивных словосочетаний, в которых выступают в разной синтаксической функции предложные конструкции существительных.

а. Третий (атрибутивный) элемент распространяет субстантивно-препозиционно-субстантивное словосочетание. Модель — $A + S + Pг + S$: *ваші слова до діла*.

б. Третий (субстантивный) элемент распространяется предложной конструкцией субстантивно-субстантивного простого словосочетания. Модель — $S + Pг + S + S$: *закон про волю преси*.

в. Третий (субстантивный) элемент распространяется предложной конструкцией атрибутивно-субстантивных словосочетаний. Модель — $S + Pг + A + S$: *думки на мінливих крилах*.

г. Третий (предложная конструкция имен существительных) элемент распространяет дистантное атрибутивно-субстантивное бинарное словосочетание. Модель — $A + Pг + S + S$: *гаряча від сонця сітка, спортивний з парусами човен*.

Б. Модели адъективных трехэлементных словосочетаний внешне напоминают некоторые модели субстантивных, но они существенно отличаются от них. В адъективных словосочетаниях третий элемент всегда распространяется, а простые словосочетания выступают в роли только детерминантов. Отличаются они и соотношением форм грамматической связи, и ограниченным количеством моделей. Продуктивными в них можно считать три модели:

1. Третий (адъективный) элемент распространяется атрибутивно-субстантивным словосочетанием. Модель — $Ad + A + S$: *осяяний невидимим сонцем*.

2. Третий (адъективный) элемент распространяется предложной конструкцией атрибутивно-субстантивного бинарного словосочетания. Модель — $Ad + Pг + A + S$: *зітканий з багрянистих суцвіть*.

3. Третий (адъективный) элемент распространяется субстантивно-субстантивным бинарным словосочетанием. Модель — $Ad + S + S$: *освітлений полум'ям вибуху*. Трехэлементные словосочетания модели $Ad + S + S$, по сравнению с $Ad + A + S$ и $Ad + Pr + A + S$, малопродуктивны. Например, с семидесяти восьми наблюдаемых объектов они выявлены только в шести объектах. Регулярность же употребления моделей $Ad + A + S$ и $Ad + Pr + A + S$ в современном украинском языке почти одинакова: $Ad + A + S$ встречается в тридцати семи объектах, а $Ad + Pr + A + S$ — в тридцати пяти.

В. Трехэлементные словосочетания с глаголом в роли грамматически господствующего компонента включают в свой состав три разные модели.

1. Третий элемент (глагол) распространяется:

а) бинарными атрибутивно-субстантивными словосочетаниями. Модель — $V + A + S$: *мати орлині крила*;

б) бинарными атрибутивно-препозиционно-субстантивными словосочетаниями. Модель — $V + Pr + A + S$: *полетіти до дніпрового краю*;

в) бинарным адвербиально-препозиционно-субстантивным словосочетанием. Модель — $V + Adw + Pr + S$: *підніматися вгору до міста*;

г) бинарными адвербиально-адвербиальными словосочетаниями. Модель — $V + Adw + Adw$: *іти зараз туди*;

д) бинарными препозиционно-субстантивно-субстантивными словосочетаниями. Модель — $V + Pr + S + S$: *заглядати в тайни всесвіту*;

е) бинарными субстантивно-субстантивными предложными конструкциями. Модель — $V + Pr + S + Pr + S$: *стояти з блокнотом у руках*.

2. а) Третий (адвербиальный) элемент распространяет бинарное глагольно-препозиционно-субстантивное словосочетание. Модель — $Adw + V + Pr + S$: *мелодійно танути в темряві*.

б) Третий (адвербиальный) элемент распространяет бинарное глагольно-субстантивное словосочетание. Модель — $V + S + Adw$ или $Adw + V + S$: *відповісти вчителю по-англійськи, радо привітати друзів*.

в) Третий (адвербиальный) элемент распространяет бинарное глагольно-адвербиальное словосочетание. Модель — $Adw + V + Adw$ или $V + Adw + Adw$ или $Adw + Adw + V$: *потім рушити вперед, полетіти знову назад, зовсім випадково дізнатися*.

3. а) Автономные существительные, не составляющие простых словосочетаний, распространяют глагол. Модель —

V+S+S или S+V+S: *заронити розповідями цікавість, бинтом перев'язати руку.*

б) Глагол распространяется препозиционно-субстантивно-субстантивным бинарным словосочетанием. Модель — V+Pr+S+S или V+S+Pr+S: *спочивати від кривд світу, зробити круг над містом.*

в) Бинарные предложные конструкции автономных имен существительных распространяют грамматически господствующий компонент трехэлементных словосочетаний, выраженный глаголом. Модель — V+Pr+S+Pr+S: *збиратися на траві за бруствером.*

II. Четырех-, пяти- и т. д. элементные словосочетания образуются в большинстве случаев из трехэлементных: *бачити знайому картину* и *бачити знайому з дитинства картину*. Соединяясь с четвертым, пятым и т. д. элементами, трехкомпонентные словосочетания выступают в роли распространяющих или распространяемых элементов. Четвертый, пятый и т. д. элементы усложненного словосочетания распространяют как грамматически господствующие слова, так и зависимые компоненты трехчленных словосочетаний. В тех случаях, когда четвертый и т. д. компонент подчиняется грамматически господствующим словам трехэлементного словосочетания, семантическая структура последнего конкретизируется дополнительными распространяющими элементами: *рідко заглядати в таблицю стрільб.*

Трехэлементные словосочетания могут выступать и в роли детерминанта: *людина з засмаглим на вітрах обличчям*. Они усложняют свою структуру распространением одного из детерминантов или обоих сразу: *надто різко переходити від сміху до зосередженої серйозності.*

Усложненные структуры словосочетаний создаются и на базе бинарных словосочетаний, компоненты которых могут распространяться и отдельными словами и целыми словосочетаниями: *тихий гомін неголосних розмов.*

VI. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Характеристика синтаксических моделей словосочетаний украинского литературного языка была бы неоконченной, если бы ничего не было сказано об их семантической структуре. Модели каждого типа словосочетаний разветвляются на большее число структурно-семантических серий.

Семантическая структура моделей синтаксически свободных словосочетаний органически связывается с лексическими и грамматическими значениями их компонентов.

1. Глагольные словосочетания с зависимыми словами — именными частями речи, глаголами и наречиями.

Семантико-синтаксические горизонты глаголов как детерминированных компонентов словосочетаний очень широки. Они могут распространяться всеми лексически самостоятельными морфологическими разрядами. Подчинительный тип связи манифестируется в глагольных словосочетаниях всеми формами грамматических значений. Всякое действие возникает, развивается и завершается в окружении естественного предметного инвентаря. Лингвистически это осознается отношением названий этих инвентарных реалий к названиям действия. Этим можно объяснить тот факт, что и связи глагола с детерминантами не беспредельны. Они ограничиваются тем лексическим инвентарем, который соответствует их инвентарным реалиям.

Как уже отмечалось, некомплектные и комплектные глаголы распространяются двумя формами существительных — беспредложными и предложными.

Имена существительные без предлогов сочетаются с распространяемыми глаголами в четырех падежных формах — родительного, дательного, винительного и творительного. Семантическая структура этой подгруппы глагольных словосочетаний состоит из следующих синтаксических отношений: объектных, релятивно-объектных, атрибутивно-адвербиальных (времени, пространства, количества, образа действия) с множеством различных оттенков.

Десигнаты семантической структуры глагольных словосочетаний в украинском языке, как правило, совпадают с десигнатами идентичных семантических структур в русском языке. Однако факты дают основание говорить о том, что идентичные семантические структуры выражаются разными десигнатами в украинском и русском языках, например: *давати перевагу* и *предпочитать*, *дякувати батькові* и *благодарить отца*, *дати спокій* и *оставить в покое* и др.

Словосочетания, состоящие из распространяемых глаголов и предложных конструкций существительных как детерминантов, характеризуются сериями значений не только объектных отношений, но и отношений объектно-релятивных, адвербиальных — с оттенками пространства, времени, места, причины. Обозначаемое глаголом действие может охватывать весь объект, совершаться на горизонтальной поверхности, в преде-

лах которой находится не весь объект, а только его часть, останавливаться или продолжаться в середине предметов, явлений, названных предложными конструкциями имен существительных в родительном или предложном падежах.

Глагольные словосочетания с предложной конструкцией имен существительных в роли распространяющих элементов в украинском языке (если не считаться с грамматически разными способами выражения отдельных предлогов, имеющими тождественные синтаксические функции) в основном совпадают с аналогичными сочетаниями в русском языке. Но эта подгруппа глагольных словосочетаний имеет и такие образования, которые отражают особенности обеих языков.

Словосочетаниям украинского языка с глаголом в роли грамматически господствующего компонента и зависимым элементом, выраженным предложной конструкцией существительных, соответствуют модели таких же словосочетаний в русском языке или модели с детерминантами, выраженными существительными либо местоимениями без предлогов, или сочетания, в которых роль зависимых компонентов выполняют существительные (местоимения) с предлогами и без предлогов, или отдельное слово. Ср.: *змерзнути на качан* и *окоченеть*.

Семантическая структура этих украинских и русских словосочетаний состоит из отношения результивного объективированного признака такого действия, которое соотносится с каким-то предыдущим действием, состоянием. Это предыдущее действие совершал, в этом состоянии находился, как правило, носитель объективированного признака. Привлекают при этом внимание данные сочетания русского языка, в которых предложная конструкция существительных является объектом, ставшим причиной выявления самого действия. Обозначается оно распространяемым глаголом. Ср.: *прийти до нам'яті* и *очнуться от обморока*.

Глагольные словосочетания с субстантивированными прилагательными, причастиями и числительными в роли детерминантов обозначают действие и беспредложный или предложный субстантивно-атрибутивный объект, на который направлено действие: *роздивлятися незнайомого*.

Семантическая структура глагольных словосочетаний определяется двумя типами отношений: объектными и релятивно-адвербиальными.

Распространяющие компоненты, выраженные наречиями, предложными конструкциями существительных и (редко) прилагательными, вступая в адвербиальные отношения с грамматически господствующим глаголом, выражают различные

смысловые оттенки этих отношений: обстоятельственно-атрибутивные, временные, пространственные, обстоятельственно-количественные и причинные. Десигнаты разветвленной семантической структуры глагольных словосочетаний с адъективными отношениями в украинском языке не всегда совпадают с десигнатами адекватных семантических структур в русском языке. Ср.: *говорити уципливо* и *язвить, ласкаво просити* и *милости просити* и мн. др.

2. Именные словосочетания включают в свой состав образования с детерминированными существительными, прилагательными, числительными, местоимениями.

Субстантивные словосочетания с детерминантами — беспредложными существительными, преимущественно в родительном, дательном и творительном падежах, выражают атрибутивные, атрибутивно-объектные, объектно-атрибутивные, атрибутивно-количественные, атрибутивно-временные, пространственные и др. отношения.

Субстантивные словосочетания с предложной конструкцией существительных, выполняющих функцию детерминанта, представляют значительное количество смысловых отношений: объектных, атрибутивных, объектных с оттенком атрибутивных, атрибутивных с оттенком объектных, объектных с оттенком адвербиальных, атрибутивно-обстоятельственных, атрибутивно-пространственных и др., например: *пісня від серця, Щорс з-над Десни, окоп на передовій, відповідь кризь зуби* и др. В предложных конструкциях, как ни в одной группе субстантивных словосочетаний, наиболее полно и разнообразно проявляются особенности русского и украинского языков, например: *по общему согласию* и *за спільною згодою*. Здесь семантическая структура выражена одной моделью в обоих языках, но разными грамматическими формами — дательным и творительным падежами.

Семантическая структура субстантивных словосочетаний с детерминантами, выраженными прилагательными, порядковыми числительными, местоимениями типа прилагательных, причастиями, глаголами (*бажання вчитися*) и наречиями (*розмова по-дружньому*), стабилизируется атрибутивными отношениями с различными оттенками, обусловленными лексическими значениями их компонентов.

Субстантивные словосочетания с распространяющими прилагательными, глаголами, наречиями и т. д. в украинском языке соответствуют смысловым единицам в русском языке, представленным или отдельной словоформой, или атрибутивно-субстантивным сочетанием с разными формами выражения

грамматических значений: *лікарський порадник* и *лечбник, одного дня* и *однажды, підстава гадати* и *основание для предположения*.

Лексические значения прилагательных и причастий могут распространяться семантически самостоятельными словами именных морфологических разрядов, глаголами и наречиями.

Адъективные словосочетания с распространяющими беспредложными и предложными именами существительными выражают как объектные, атрибутивные отношения, так и оттенки адвербиально-определительных отношений.

Непосредственно составляющими в адъективных словосочетаниях могут быть прилагательные и причастия, числительные и местоимения. Адъективные словосочетания с распространяющими прилагательными и причастиями выражают объектные и обстоятельственно-атрибутивные отношения.

В объектных отношениях словосочетаний этой подгруппы проявляется лексико-синтаксическая связь признака, выраженного грамматически господствующим словом, с понятием класса, рода, репрезентированным прилагательным или причастием в роли детерминанта. Распространяемое слово в этих сочетаниях обозначает такой признак, который без ограничений может распространяться на понятия класса, рода и, наоборот, исключаться из него (*відкритий для інших, радий йому*).

Обстоятельственно-атрибутивные отношения между элементами этих сочетаний выражают признак и степень или качество его проявления (*фарбований у біле*).

Семантическая структура адъективных словосочетаний с детерминантом-инфинитивом, выражая объектные отношения, обозначает признак возможности, желания, названного грамматически господствующим прилагательным (причастием), и действие, манифестированное инфинитивом, в свершении которого должен проявиться данный признак: *готовий подати*.

Адъективные словосочетания с детерминантами-наречиями выражают различные оттенки атрибутивно-адвербиальных отношений: *дуже теплий, вчора початий*.

Модели адъективных словосочетаний украинского языка отличаются от аналогичных словосочетаний в русском языке меньше, чем глагольные и субстантивные. Однако и в этой группе соединений имеются такие, что не совпадают и в формах выражения грамматических значений, и в моделях. Ср.: *жадібний до знань* и *жаждущий знаний, недоступний для пізнання* и *непознаваний* и мн. др.

Лексико-грамматические и семантические возможности

местоимений и числительных распространяться за пределами предложения очень ограничены: *хтось із нас, два квартали*.

3. Адвербиальные словосочетания. Детерминанты адвербиальных словосочетаний манифестируются беспредложными и предложными существительными (местоимениями) и другими наречиями. Семантическая структура адвербиальных словосочетаний складывается из объектных, атрибутивных и разных оттенков адвербиальных отношений: *вогкувано від туману, навздогін дівчині, учора під вечір, зовсім несподівано*.

Рассматриваемая группа словосочетаний отражает (правда, с меньшей периодичностью) особенности украинского и русского языков, например: *надзвичайно дивно* и *в высшей степени странно*.

VII. КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Явление детерминации самостоятельных словоформ, не составляющих высказывания, представляет собой прямой объект теории словосочетания. Синтаксис предложения не охватывает всего разнообразия детерминации словоформ.

Словосочетания, в зависимости от мотивированности синтаксической и семантической структуры грамматическими формами и лексическими значениями их компонентов, делятся на синтаксически свободные и фразеологически связанные. В синтаксически свободных словосочетаниях компоненты, сохраняя автономность своих форм, выполняют динамическую функцию в коммуникативно-синтаксической системе языка. Они мотивируют семантическую структуру словосочетаний.

Некомплектные детерминированные элементы вместе с детерминантами составляют базу образования фразеологических сочетаний.

Лексемы, будучи стационарными элементами фразеологически связанных словосочетаний, не мотивируют (в разной степени) ни грамматической, ни семантической структуры фразеологизмов.

Свободные словосочетания как отдельный предмет синтаксиса соотносительны с второстепенными членами предложения, с отдельным словом, синтагмой, но не тождественны им.

В основе образования словосочетаний как семантико-синтаксических единств лежат правила и закономерности национального языка.

Принципы и закономерности распространения глаголов, существительных, прилагательных и т. д., свойственные украинскому языку, совпадают с принципами и закономерностями

ми лексико-грамматических распространений соответствующих морфологических разрядов русского языка. Формы выражения способов синтаксической связи украинского языка такие же, как и в языке русском. Однако сказанное выше касается лексических и грамматических категорий как синтаксических ресурсов сравниваемых языков вообще, но не конкретных форм их проявлений. Та или иная модель может функционировать в обоих языках с одинаковыми семантическими структурами, но в каждом из языков она может проявляться разными грамматическими формами. Наряду с этим, абсолютно идентичные семантические структуры могут выражаться в украинском языке такой моделью словосочетания, которая отличается от модели русского языка.

Семантическая структура словосочетаний не всегда соответствует грамматическим значениям их структурных элементов. Между компонентами таких словосочетаний, особенно это касается приглагольных и присубstantивных предложных конструкций существительных, происходит процесс ослабления грамматических связей и усиления семантических отношений.

В отдельных часто употребляемых словосочетаниях как синтаксических моделях с метафорическими значениями заложены основы стабилизации свободных словосочетаний в фразеологические обороты речи. С течением времени теряли свое былое значение грамматические формы, укреплялись позиции семантических отношений, углублялось не прямое употребление словосочетаний, исчезала автономность лексических значений их компонентов. Все это обуславливало трансформацию семантической структуры значительного количества свободных словосочетаний в лексикализованную.

Словосочетания — разновидности языковых знаков. Словоформным знаком обозначается отдельный предмет, его признак. Знаком словосочетания обозначается предмет вместе с его пассивными или активными признаками, свойствами. Знаком, манифестируемым предложением, высказывается суждение о предмете.

Особенность словосочетаний как языковых знаков заключается в том, что их стационарные модели выражают динамическую семантическую структуру.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. Структурно-семантичні групи словосполучень. (Структурно-семантичні групи словосочетаний). «Мовознавство», т. XVIII, Издательство АН УССР, К., 1963, стр. 59—68.

2. Відповіді на питання на наукову анкету з мовознавства. Які типи словосполучення у слов'янських мовах? (Какие типы словосочетания в

славянських языках?). «Славянська філологія», т. I, Софія, 1963, стр. 265—266.

3. Структурно-синтаксичні моделі словосполучень. (На матеріалі східнослов'янських мов). (Структурно-синтаксические модели словосочетаний). (На матеріалі восточнославянських языков). Тези доповідей V Міжвузівської республіканської славістичної конференції, Ужгород, 1962, стр. 63—65.

4. Предмет фразеології та семантичні типи фразеологізмів. (Предмет фразеологии и семантические типы фразеологизмов). «Українська мова та література в школі». Издательство «Радянська школа», № 2, 1965, стр. 20—25.

5. Відношення детермінації й індетермінації у словосполученнях. (Отношения детерминации и индетерминации в словосочетаниях). Тези доповідей. Гуманітарні науки. Київський державний педагогічний інститут ім. О. М. Горького, К., 1967, стр. 92—93.

6. Синтаксис словосполучень і співвідносність їх з реченням, синтагмою і другорядними членами речення. (Синтаксис словосочетаний и соотносительность их с предложением, синтагмой и второстепенными членами предложения). Тези доповідей Міжвузівської наукової конференції з проблем синтаксису української мови. Чернівці, 1965, стр. 176—178.

7. Структурно-семантичні типи словосполучень в українській мові. (Структурно-семантические типы словосочетаний в украинском языке). Ужгородський державний університет. Тези доповідей, серія мовознавча, Ужгород, 1965, стр. 73—76.

8. Адвербіальні словосполучення в українській мові. (Адвербиальные словосочетания в украинском языке). Київський державний педагогічний інститут ім. О. М. Горького, К., 1966, стр. 107—108.

9. Співвідносність словосполучення з словом. (Соотносительность словосочетания со словом). Ужгородський державний університет. Тези доповідей до XX наукової конференції. Серія мовознавча. Ужгород, 1966, стр. 61—63.

10. Словосполучення як предмет дослідження в українському мовознавстві. (Словосочетания как предмет исследования в украинском языкознании). «Підсумки і проблеми наукового вивчення української мови в повоєнний період». Тези доповідей республіканської наукової конференції. Издательство «Радянська школа», 1967, стр. 62—64.

11. Синтаксичні особливості деяких дієслівних словосполучень. (Синтаксические особенности некоторых глагольных словосочетаний). «Питання мовної культури». Вып. I, Издательство «Наукова думка», К., 1967, стр. 48—53.

12. Словосполучення в сучасній українській літературній мові. (Словосочетания в современном украинском литературном языке). Издательство «Наукова думка», К., 1968, 13 печ. лист.

13. Словник українських ідіом. (Словарь украинских идиом). Издательство «Радянський письменник», К., 1968, 26 печ. лист.